

Метафизика в пределах обычного

ГАРРИС РОГОНЯН

Ответа, как мне кажется, требует не тезис или заключение скептика, а то, почему философия хронически заставляет себя бежать от обычного, как это происходит, например, в картезианском скептицизме. Как я уже говорил, обычное, от которого бежит философия, само является творением скептицизма (в качестве языка и мира, наблюдаемых как бы извне).

*Стэнли Кэвел. В чем заключается скандал скептицизма?*¹

1. РЕДСТАВЬТЕ себе пресс-конференцию, на которой собравшимся журналистам объявили об издании новой газеты². Главный редактор, никому не известный человек, заявляет, что эта газета ничем не будет отличаться от других газет: в ней будут местные новости, новости из-за рубежа, экономика, культура, спорт, прогноз погоды. Но за одним исключением: в каждом номере этой газеты будет намеренно публиковаться 10% лжи. С какой целью это делается и кто за этим стоит, останется в тайне. Далее главный редактор поясняет на примерах, где и в каком виде будет содержаться эта намеренная ложь. Это может быть очевидно неверная информация: описание некоего всем известного события, неправильное написание имени известного человека или названия местности. Это может быть и неочевидная ложь, по крайней мере для некото-

1. *Cavell S. Philosophy the Day After Tomorrow. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2005. P. 134.*
2. Эту историю я некогда вычитал у одного французского писателя, имени которого, к сожалению, не помню. Для целей данной статьи в сюжет внесены некоторые удобные изменения и сокращения.

рых. В частности, в курсе валют или в биржевых показателях может быть изменена какая-нибудь цифра после запятой, так что непосвященный может вполне принять ее за погрешность или вовсе не обратить внимания. Сюда же относятся искажения в прогнозе погоды, или в адресе типографии, которая печатает эту газету, или в рекламе. Однако это может быть и более сложная и изощренная ложь, которую можно обнаружить только с помощью анализа содержащейся в статьях информации.

Итак, газета начинает выходить. Неожиданно она становится очень популярной. Буквально каждый номер быстро раскупают, поскольку многим интересно включиться в состязание со столь необычной газетой и понять, в чем трюк. Постепенно поиск обещанных 10% лжи превращается чуть ли не в национальный вид спорта (подобно решению кроссвордов, однако этот «кроссворд» можно найти, разумеется, только в этой газете). Интерес читателей подогревает еще и то, что банальную опечатку можно принять за часть этих 10% лжи. Или в очередном выпуске может оказаться намеренная ложь, которая не вошла в заявленные 10% и которую не заметил главный редактор (например, в интервью). Примерно через год главный редактор вновь собирает пресс-конференцию, на которой объявляет о закрытии газеты. Сам он удаляется в деревню и больше никогда и нигде не появится в качестве публичной фигуры. Интервью он тоже давать не будет. Кто стоял за этим проектом и зачем ему это было нужно, по-прежнему останется в тайне. Далее наступает кульминационный момент этой истории. Главный редактор заявляет: не исключено, что когда-нибудь этот проект возобновится и какая-нибудь новая газета будет делать все то же самое, уже не заявляя об этом публично. Здесь, в принципе, можно остановиться. Что сделал главный редактор? Заложил бомбу замедленного действия? Теперь любую новую газету можно подозревать в том, что она продолжает этот проект? Нет, хуже. Он (или тот, кто за ним стоит) спровоцировал тотальное подозрение в отношении *всех* средств массовой информации. Например, ничто не мешает предположить, что к проекту может подключиться давно существующее известное издание (и не только газета), и даже не одно, и, более того, возможно, это уже произошло — ресурсы и возможности таинственного владельца газеты нам неизвестны. Если в духе теории заговора мы предположим, что проект существует давно и каждое средство массовой информации можно подозревать в причастности, то... какой вывод мы можем сделать? Скептический, в духе Декарта, — о тотальной обманчивости всего, что сообщают СМИ?

Очевидно, что в этой истории на самом деле нет ничего необычного, хотя она, конечно, напоминает декартовский сце-

нарий. Недоверие к тому, что сообщают СМИ (часто более чем на 10%), — явление вполне распространенное (слухи, ошибки, неточность и просто намеренная ложь). Даже такой предельный случай, как теория заговора (которую отличает гипотеза именно о тотальном обмане), — это обычная история, а не философский сценарий скептика. Однако в обычной жизни тотальное недоверие не только к тому, что говорят СМИ, но и просто другие люди, уравнивается тем, что Дональд Дэвидсон назвал радикальной интерпретацией — презумпцией истинности и совпадения большинства убеждений говорящего и слушающего³. С другой стороны, данный проект состоялся бы, даже если бы главный редактор обманул относительно запланированной лжи в газете, то есть если бы обещанной лжи в ней на самом деле не было, — читатели все равно могли бы ее там обнаружить (и может быть, даже в большем объеме). Допущение определенного процента лжи, ошибок и недопонимания в том, что нам сообщают, столь же естественно, сколь и необходимое для коммуникации допущение того, что большинство наших убеждений истинны. Однако в этой истории есть одно важное отличие, которое и делает ее похожей на декартовский сценарий: в случае каждого СМИ мы предполагали бы *одну и ту же* ложь, то есть не ложь разных людей, а одного-единственного таинственного медиамагната. Иными словами, наше тотальное недоверие было бы связано с одним-единственным намерением обмануть. Именно это подозрение и запускает цепную реакцию скептического недоверия ко всем СМИ, потенциально «зараженным» ложью одного и того же лица. Впрочем, наша политическая история знает и подобные сценарии — все они рано или поздно разрешаются вполне «эмпирическим» путем. Здесь уместно вспомнить слова А. Линкольна о том, что можно какое-то время обманывать часть людей или все время некоторых людей, но невозможно обманывать постоянно всех людей. Разумеется, декартовский сценарий является более глобальным и он защищен от любых эмпирических разрешений, поскольку для Декарта все наше знание о мире является, если угодно, подозрительной газетой. Однако здесь важно помнить, что, как правило, именно обычные истории являются моделью для философских сценариев, а не наоборот. Но как тогда подобные истории превращаются в философские? Возможно, первым, кто сформулировал этот вопрос и близко подошел к ответу на него, показав зависимость философских скептических сценариев от обычных историй, был Томпсон Кларк (1928–2012).

3. См.: Дэвидсон Д. Радикальная интерпретация // Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М.: Праксис, 2003. С. 182–201.

2. Вообще о Кларке можно найти не очень много сведений, поэтому так ценны воспоминания о нем в недавно вышедшей автобиографии его близкого друга Стэнли Кэвела⁴. Кларк закончил Гарвард (чуть раньше Кэвела) и считается одним из последних учеников К. И. Льюиса. Первую свою статью, «Размышления о сходстве значения» (*Reflections on the Likeness of Meaning*), Кларк опубликовал в 1952 году в журнале *Analysis*⁵, когда был еще студентом. Статья очень короткая и посвящена работе Нельсона Гудмена «О сходстве значения» (*On the Likeness of Meaning*)⁶. Статья настолько понравилась Гудмену, преподававшему в то время в Гарварде, что, по рассказам очевидцев, тот предложил философскому факультету присвоить за нее Кларку докторскую степень. Многие считали, что этим Гудмен не просто поддержал молодого философа, но и дал понять, как он оценивает претенциозные и предсказуемые работы некоторых своих коллег по факультету. С Кларком Кэвел познакомился уже в конце 1950-х, незадолго до того, как в 1958 году тот получил приглашение преподавать в Беркли, где и проработал вплоть до своей отставки в 1998 году. Оба в это время очень внимательно изучали работы Остина и Витгенштейна. Поскольку Кларк и Кэвел жили недалеко друг от друга, то они часто во время пеших прогулок от одного дома к другому обсуждали занимавшие их философские проблемы, в частности контраст между уязвимостью повседневного знания и эпистемологическим требованием его обоснованности. Кларк довольно скептически относился к критике Остином (чьи лекции ему довелось посещать в Оксфорде) традиционной эпистемологии, считая ее немного поверхностной и ограниченной. Тем не менее, полагает Кэвел, Кларк, хотя и не признавал этого открыто, также испытал сильное влияние Остина. Это и неудивительно, поскольку именно работы Витгенштейна и Остина казались тогда молодым философам новым веянием в философии. Оба чувствовали, пишет Кэвел, что традиционные проблемы философии уже нельзя рассматривать и преподавать традиционным же образом⁷. При этом Кэвел признает, что влияние самого Кларка на него было даже сильнее, чем влияние Остина, поскольку подкреплялось их тесной дружбой и частым общением (обо всем на свете, не только о философии). Неслучайно поэтому Кэвел, который, по его

4. Cavell S. Little Did I Know: Excerpts from Memory. Stanford, CA: Stanford University Press, 2010.

5. Clarke T. Reflections on the Likeness of Meaning // *Philosophical Studies*. 1952. Vol. 3. Issue 1. P. 9–13.

6. Гудмен Н. О сходстве значения // Гудмен Н. Способы создания миров. М.: Идея-Пресс; Логос; Практис, 2001. С. 339–350.

7. Cavell S. Op. cit. P. 358.

собственному признанию, относил себя к тем, кого Кларк называл интуитивными философами⁸, посвятил свою самую известную работу, «Голос разума» (*The Claim of Reason*), одновременно и Кларку, и Остину. Именно статья Кларка, пишет он в предисловии к ней, открыла ему глаза на то, что потенциал языка повседневной жизни (и соответственно, философии обыденного языка) может быть не только разрушительным по отношению к традиционному эпистемологическому проекту, но и, наоборот, во многом содействовать ему⁹.

В 1960 году Кларк представил в Гарвард свою диссертацию, которая была опубликована немного позднее, в 1965 году, в качестве его второй статьи «Видеть поверхности и физические объекты» (*Seeing Surfaces and Physical Objects*)¹⁰. В ней он, развивая непосредственный реализм Дж. Э. Мура, утверждает, что в опыте восприятия мы имеем дело не только с поверхностями вещей, но и самими вещами как таковыми. Восприятие подобно отщипыванию или надкусыванию: когда мы, например, надкусываем часть яблока, то мы надкусываем именно яблоко, а не только его поверхность. Поэтому если вы, допустим, видите томат, то вы видите именно целый томат, а не только его видимую часть. Традиционный эпистемолог, конечно, настаивал бы на том, что вы при этом не видите внутренность или заднюю сторону томата. И это не просто эмпирический вопрос, добавил бы он, поскольку, как бы вы ни поворачивали томат, всегда будут оставаться его невидимые части. Однако открытие Кларка в этой статье, считает Кэвел, заключается в том, что эпистемолог на самом деле не *обнаруживает* эту «невидимую часть», а, по сути дела, *создает* ее¹¹. Иначе говоря, он создает особый метафизический контекст, в котором и пребывают все эти «метафизически невидимые части»¹². В дальнейшем этот аргумент получит свое продолжение в третьей и, пожалуй, главной статье Кларка — «Наследие скептицизма» (*The Legacy of Skepticism*)¹³.

8. Ричард Рорти называет их интуитивными реалистами. См.: *Rorty R. Consequences of Pragmatism. Essays. 1972–1980.* Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. P. XXIX–XXXVII.

9. См.: *Cavell S. The Claim of Reason: Wittgenstein, Scepticism, Morality and Tragedy.* Oxford: Oxford University Press, 1979. P. XXI.

10. *Clarke T. Seeing surfaces and physical objects // Philosophy in America / M. Black (Ed.).* Ithaca: Cornell University Press, 1965.

11. *Cavell S. Little Did I Know: Excerpts from Memory.* P. 363.

12. Подробный анализ этой статьи Кларка см. в: *Stroll A. Surfaces.* Minnesota: University Of Minnesota Press, 1988. P. 107–121.

13. См.: *Clarke T. The Legacy of Skepticism // The Journal of Philosophy.* 1972. Vol. 69. № 20. P. 754–769. Показателен в этом смысле диалог Кларка и Кэвела, который состоялся во время одной из совместных прогулок. Отчасти согласившись с критикой Остином традиционной эпистемологии и с тем,

Однако тогда, в 1960 году, работа Кларка спровоцировала скандал. Двое сотрудников факультета, входившие в комиссию, отказались оценивать ее, признавшись, что она кажется им мало понятной. Кларка тем не менее достаточно высоко ценили, чтобы просто отклонить его работу. Поэтому решено было оценить диссертацию Кларка всем факультетом, чтобы сотрудники ознакомились с ней и публично высказали свое мнение. В конечном счете Кларку присвоили докторскую степень, однако попросили внести в текст небольшие изменения. Все это довольно сильно задело Кларка, вспоминает Кэвел, и подорвало его уверенность в том, что он способен четко и ясно высказывать свою точку зрения. Впрочем, по мнению Кэвела, это событие говорило не столько о Кларке или его первых рецензентах, сколько о том, как далеко он продвинулся в своих исследованиях с тех пор, как покинул факультет, который не в состоянии был оценить всю значимость его работы¹⁴.

Со временем Кларк стал тяготиться своим преподаванием, поскольку не видел в нем никакого смысла. Впрочем, удачные инвестиции на фондовом рынке позволили Кларку значительно сократить преподавание и отчасти удовлетворили его тягу к уединению. В 1972 году Кларк выступил на конференции с докладом, который и был опубликован как статья «Наследие скептицизма» — его последняя и самая значительная работа.

3. Данную статью Кларка можно по праву считать этапной если не для всей аналитической философии, то по крайней мере

что некоторые эпистемологические проблемы и решения не заслуживают серьезного рассмотрения, Кларк тем не менее заметил, что, даже будучи заданы в неподходящем и странном контексте, философские вопросы еще не лишены по этой причине смысла и вовсе не обязательно должны казаться неуместными. Например, философский вопрос «Что вы на самом деле видите?» очень похож на вопрос ведущего расследование детектива: «Что вы на самом деле слышали?». Если свидетельские показания о том, что подозреваемый находился всю ночь в своей комнате, основаны только на звуках печатной машинки из-за двери и дверь при этом была заперта изнутри, то там мог находиться кто угодно или даже никого не было. Кэвел нашел это замечание слишком тривиальным и возразил, что с философской точки зрения дверь эпистемолога никто и никогда не сможет открыть — она метафизически заперта. Мгновенная реакция Кларка — «Ну да, ты прав!» — обескуражила Кэвела, потому что тот явно воспринял слова Кэвела как подтверждение своих, а не как указание на неуместность аналогии с детективом. Большая часть диссертации Кэвела, вошедшая затем в первую и вторую части *The Claim of Reason*, была посвящена, по его признанию, попыткам разрешить эту коллизию, то есть ответить на вопрос о возможности именно *эпистемологического* смысла этого вопроса.

14. Cavell S. Op. cit. P. 370.

для дискуссий о философском скептицизме в рамках аналитической эпистемологии. Ситуация с этой статьей чем-то напоминает ситуацию с другой известной статьей — «Является ли знанием истинное обоснованное мнение?» Эдмунда Геттиера¹⁵. Как и Геттиер, Кларк известен в основном как автор одной, но очень популярной статьи. Несмотря на то что многие работы о скептицизме содержат ссылки на статью Кларка, о самом Кларке очень мало упоминаний в справочниках и энциклопедиях¹⁶. И это при том, что публикация его статьи во многом содействовала возникновению того, что сегодня принято называть новым скептицизмом, представителями которого, помимо Кэвела, считают таких известных философов, как Барри Страуд, Томас Нагель, Питер Ангер, Роберт Фогелин и др. Все они ссылаются на статью Кларка, отмечая, сколь многим обязаны содержащимся в ней идеям. Впрочем, Кларк обсуждал со своими коллегами содержание и некоторые положения статьи еще до ее публикации, поэтому установление «скептического климата» в эпистемологии можно отнести уже к концу 1960-х годов. Примерно к тому же времени некоторые исследователи относят и «странную смерть философии обыденного языка»¹⁷, к которой Кларк оказался как минимум причастен. Основные критические аргументы из первой части статьи, направленные против поверхностной, по мнению Кларка, лингвистической терапии метафизических проблем, в дальнейшем были взяты на вооружение «новыми скептиками», а метафизические головоломки в результате получили «иммунитет» от разрешения с помощью анализа употребления слов и выражений. Считается, что именно в это время метафизические проблемы, разрыв с которыми ознаменовал начало аналитической философии, вновь начали проникать в нее, но уже под видом проблем релятивизма в области научного знания или моральной философии¹⁸. Удиви-

15. Геттиер Э. Является ли знанием истинное обоснованное мнение? // Аналитическая философия. Становление и развитие. Антология. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 231–233.

16. Впрочем, ситуация относительно недавно стала меняться. Примером этого может послужить международная конференция, посвященная наследию самого Кларка (*The Legacy of Thompson Clarke*), которая прошла 7–11 июня 2011 года в Университете Бордо 3 (*Université Bordeaux 3*) и в которой среди прочих приняли участие такие философы, как Джеймс Конант, Джульет Флойд, Барри Страуд и Чарльз Трэвис.

17. См.: Lycan W. Moore against the New Skeptics // *Philosophical Studies*. March 2001. Vol. 103. Issue 1. P. 35–53. См. также: *Uschanov T.P. The Strange Death of Ordinary Language Philosophy*. URL: www.helsinki.fi/~tuschano/writings/strange/.

18. Впрочем, Страуд считает, что метафизические проблемы никогда окончательно не исчезали из аналитической философии, просто ставились они уже

тельно, однако, то, что статья Кларка в целом направлена скорее против философского скептицизма. Но вместо того, чтобы сразу опровергать скептицизм в духе лингвистической терапии, Кларк сначала предлагает теоретический диагноз его предпосылок — пример, которому впоследствии и последовал Майкл Уильямс в своей известной работе «Неестественные сомнения» (*Unnatural Doubts*)¹⁹. К тому же Кларк признавал определенную ценность и полезность философского скептицизма. Такое неоднозначное восприятие статьи Кларка отчасти объясняется ее предельной насыщенностью и одновременно лаконичностью, что делает статью несколько трудной для восприятия. Кроме того, аргументация в статье построена так, что читатель может вполне согласиться с содержанием первой ее части, а также с новой постановкой проблемы эпистемологического скептицизма, но при этом отклонить решение этой проблемы, предложенное во второй части. «Новые скептики» так и поступили²⁰. В каком-то смысле у них были на то основания, поскольку предложенное Кларком семантическое решение скептической проблемы, по сути, не сильно отличается от лингвистического решения, предложенного философией обыденного языка. Это решение также нацелено на выявление противоречия в том, что говорит скептик (хотя и немного на другом уровне — не на уровне буквального значения слов, а скорее на уровне концепции, или теории, которой придерживается скептик). Однако, помимо новой постановки скептической проблемы, статья Кларка интересна и тем, что по-новому ставит проблему определения того, что входит в сферу здравого смысла (которому якобы противостоит скептик), или, как пишет Кларк, *обычного*, а не просто обыденного или повседневного.

4. Одна из главных и полезных функций скептицизма, по мнению Кларка, заключается в испытании на прочность и адекватность некоторых наших идей, понятий, принципов и представлений. И разумеется, не всегда этот тест заканчивается благополучно для испытуемых. Одной из недавних жертв такого теста стало представление о том, что Кларк назвал стандарт-

несколько иначе. См.: *Страуд Б.* Аналитическая философия и метафизика // Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 160.

19. *Williams M.* *Unnatural Doubts: Epistemological Realism and the Basis of Scepticism.* Oxford: Blackwell, 1991.

20. Более подробно об этом см.: *Рогонян Г. С.* Новые юмianцы и интуитивная очевидность скептицизма // Дэвид Юм и современная философия. М.: Альфа-М, 2012. С. 95–109.

ной концептуально-человеческой конституцией, или, иначе говоря, о концептуальной схеме (далее я сосредоточусь именно на этом аспекте статьи Кларка). Обычно о такой конституции (то есть эпистемологическом устройстве человека) рассуждают в духе теории врожденных идей или кантовского априоризма, ссылаясь на человеческую природу, внутреннюю отчужденность от мира, «биперспективизм» или концептуальные схемы нашего мышления. При этом всегда так или иначе предполагается некий концептуальный каркас, в той или иной степени «врожденный» или социально обусловленный, но относительно устойчивый в своем функционировании — обеспечить познание себя и мира. (Речь также может идти о системе, структуре, механизме и других метафорах и понятиях, нацеленных на объяснение познавательных способностей человека и их границ.) Причем не важно, говорят ли в данном случае об истории идей и эпистем или разбираются достаточно узкие и технические вопросы философии языка, логики и эпистемологии — все это так или иначе можно свести к тому, что Дэвидсон назвал третьей догмой эмпиризма: к дуализму схемы и ее содержания²¹. По аналогии с «мифом данного», о котором писал Уилфрид Селларс, такое представление можно было бы назвать «мифом схемы», который по большому счету является оборотной стороной того же самого мифа. Джон Макдауэл в своей работе «Сознание и мир» (*Mind and World*) прямо заявляет, что третью догму Дэвидсона правильнее было бы называть дуализмом схемы и данного²². Можно сказать, что Селларс подходит

21. См.: Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М.: Праксис, 2003. С. 258–277.

22. McDowell J. *Mind and World*. Harvard: Harvard University Press, 1994. P. 4. Более того, ссылаясь на слова Дэвидсона о том, что дуализм схемы и содержания «определяет повестку дня для современной философии», Макдауэл замечает, что деконструкция этого мифа означает, по сути, изменение представления философии о самой себе: «Избавившись от этого дуализма, мы уже не будем считать, что эти проблемы по-прежнему стоят перед нами, что, разумеется, не означает полагать, что мы их тем самым решили». См.: *Idem*. *Scheme-Content Dualism and Empiricism* // *Idem*. *The Engaged Intellect: Philosophical Essays*. Harvard: Harvard University Press, 2009. P. 115. Кантовская формула (понятия как элементы схемы, то есть взятые сами по себе, без содержания, пусты, а интуиции, то есть чувства, без понятий слепы) говорит о том, что все наши теории и все мировоззрение в целом являются результатом взаимодействия обеих сторон указанного дуализма. Причиной этого дуализма Дэвидсон считает эпистемологическую тревогу относительно обоснованности нашего мировоззрения и его соответствия тому, как мир существует сам по себе. Эта тревога подталкивает философов к поиску надежных и достоверных оснований нашей картины мира, которые устояли бы перед скептическим сомнением. «Трибунал опыта», собственно, и должен был решить

к исследованию этого мифа со стороны понятия данного, тогда как Дэвидсон и Кларк — со стороны понятия схемы. Если взглянуть на миф именно со стороны схемы, то, возможно, Дэвидсон лучше и понятнее, чем кто-либо, сформулировал основную суть этого мифа. Однако Кларк в своей статье показал, что само это представление не обязательно связано только с эмпиризмом, а характеризует гораздо более широкий диапазон философских концепций. При этом если Дэвидсон делает акцент на идее противопоставления схемы чему-то вне самой схемы, то Кларк скорее на идее ее «стандартности» и замкнутости в качестве единого целого. Но в обоих случаях критика нацелена на представление о том, что схема так или иначе *репрезентирует* мир, которому она противопоставлена. Впрочем, распространенность этого мифа проявляется и в том, что даже критика какого-либо из его следствий еще не означает отказ от него в целом.

5. Прежде всего с «мифом схемы» связано широко распространенное представление о том, чем является философское исследование как таковое, особенно когда речь заходит о понимании

эту проблему, однако, как известно, безуспешно. См.: *Davidson D. The Myth of the Subjective // Davidson D. Subjective, Intersubjective, Objective. Harvard: Harvard University Press, 2001. P. 162.* Макдауэл, в свою очередь, считает, что дело вовсе не в том, обосновано ли наше мировоззрение. Скептик и его оппоненты заведомо полагают, что оно у нас есть как нечто само собой разумеющееся. Однако этот дуализм указывает на более радикальную эпистемологическую тревогу: вообще есть ли у нас это мировоззрение? Не делает ли такой дуализм все рассуждения о мировоззрении в принципе бессмысленными? Ведь если в рамках этого дуализма все основания для мировоззрения оказываются вне сферы рационального, то как они вообще могут быть основаниями для чего бы то ни было? Есть ли у нас гарантия того, что мы имеем хоть какой-то контакт с реальностью (пусть и ошибочно, как допускает скептик, понимаемый)? Иными словами, этот дуализм ставит перед нами прежде всего не вопрос «Обосновано ли наше мировоззрение?», а вопрос «Как вообще возможно мировоззрение?». И главную причину привлекательности такого дуализма Макдауэл видит не в стремлении найти безопасные основания, а в попытках избавиться от тревоги относительно нашей свободы: по Канту, применение человеком концептуальных способностей — это именно *свободное* применение. Поэтому за дуализмом схемы и содержания, считает Макдауэл, стоит гораздо более фундаментальный дуализм — дуализм свободы (концептуальных способностей разума) и природы. Вопрос «Как вообще возможно мировоззрение?» является лишь версией вопроса «Как вообще возможна свобода?». Подробнее об этом см.: *McDowell J. Op. cit. P. 121–133.* Кларк, возможно, одним из первых показал, как представление о схеме — одной из сторон рассматриваемого дуализма — связано с представлением философии о самой себе.

мира «в целом». Очевидно, что миф основывается на традиционном противопоставлении повседневного взгляда на вещи философской попытке взглянуть на них объективно. Разница между просто общими и собственно философскими вопросами заключается в том, что последние, говорит Кларк, удовлетворяют особую интеллектуальную потребность, не удовлетворяемую их обычными версиями в повседневной жизни. Философ спрашивает о том, соответствуют ли наши утверждения чему-либо вне и независимо от повседневных эпистемических практик и являются ли они *в принципе* истинными, а не только в практических целях. Понятно, что он не может игнорировать ни одну осмысленную возможность ошибки, какой бы незначительной она ни была, хотя это и может показаться непрактичным. Поэтому философ настаивает на особом семантическом статусе своих вопросов и утверждений, стремясь учесть весь диапазон значений наших слов, то есть весь диапазон их возможного применения в ходе повседневной несемантической практики²³. Очевидно, что такое представление о философии предполагает наряду с абстрагирующим и обобщающим выходом «вовне», или «в сторону», и особое представление о функционировании наших понятий. Иначе говоря, это особая семантическая концепция того, чем является сфера обычного словоупотребления и вообще здравый смысл как таковой. Можно сказать, что стандартный характер концептуально-человеческой конституции проявляется в том, что мы обладаем относительно фиксированным и статичным набором понятий, которые применяем для описания себя и окружающей нас действительности. При этом предполагается, что мы *уже* каким-то образом овладели этими понятиями независимо от реальной практики их употребления и, самое главное, можем дистанцироваться от них. В роли абсолютно отстраненных наблюдателей, руководствуясь концептуальной схемой, мы устанавливаем, с какими понятиями соотносятся те или иные вещи и вообще соответствует ли чему-либо весь набор наших понятий.

В качестве иллюстрации такого понимания философского исследования Кларк использует следующий пример. Допустим, во время войны пилотов обучают определять тип вражеских самолетов в соответствии с характерными признаками, перечисленными в предоставленном им списке. Список содержит описание десяти основных типов самолетов — от А до J. В список сознательно не включены устаревшие и редко используемые типы вражеских самолетов X, Y, Z (о которых пилотам, возмож-

23. Clarke T. Op. cit. P. 760.

но, даже ничего не сказали), поскольку они имеют те же признаки, что и самолеты из списка, и могут походить на них до такой степени, что их трудно отличить друг от друга. Короче говоря, исключение их из списка продиктовано необходимостью выполнения первостепенных практических задач в условиях войны, то есть необходимостью уничтожать прежде всего наиболее опасные и часто используемые типы самолетов и не тратить время на обнаружение старых и малоопасных. Такую способность определять типы самолетов в соответствии с заданным списком можно назвать практическим знанием. Если пилот в соответствии со списком выносит суждение «Это самолет типа А», тогда как это может оказаться один из устаревших типов Х (очень похожий на А), то эту возможность можно спокойно проигнорировать, поскольку это несущественно для выполнения основной боевой задачи²⁴. В таком случае утверждение пилота о том, что это самолет типа А, сделанное в соответствии с установленной процедурой идентификации, является «ограниченным». Значения его слов ограничены конкретным практическим контекстом — процедурой идентификации самолетов. Он задает обычные вопросы и выносит обычные утверждения. Ситуация с пилотами, полагает философ, иллюстрирует мир обычного человека, задающего обычные вопросы и делающего обычные утверждения. Обычность — это ограниченность, пишет Кларк, поскольку в своей повседневной жизни обычный человек, подобно пилотам, часто игнорирует незначительные возможности, несущественные с практической точки зрения²⁵.

Однако если мы похожи на пилотов, заключенных в область обычного и ограниченного, то мы лишены доступа к объективной оценке нашего эпистемологического положения. Ограниченный кругозор повседневной жизни и ее практик не позволяет нам узнать, каковы вещи на самом деле. Спрашивая о типе самолета и руководствуясь только заданным списком понятий, мы не смогли бы не только узнать, каковы объективные факты на самом деле, но даже просто сформулировать саму проблему (то есть поставить вопрос об объективности познания). Поэтому естественный для нас как для рационально мыслящих людей поиск абсолютной объективности, пишет Кларк, выводит

24. По крайней мере, издержки такого игнорирования будут значительно ниже, чем если бы он тратил свое время и силы на установление (возможно, безуспешное) точного типа самолета.
25. Можно отметить в качестве любопытного совпадения то, что Дэвидсон во время Второй мировой войны служил во флоте и занимался как раз тем, что обучал сослуживцев тому, как распознавать вражеские самолеты. См.: Davidson D. Problems of Rationality: Philosophical Essays. P. 241–242.

нас за пределы обычного, заставляя философствовать. Как замечает Страуд, спрашивая «Действительно ли это самолет типа А?», мы спрашиваем не о том, следовал ли пилот строго своей инструкции, не упустил ли он что-то важное, а о том, соответствует ли вся инструкция в целом (да и любые наши ограничения) реальному положению вещей²⁶. Отступая от области обычного (превращая инструкцию в часть схемы), мы отстраненно рассматриваем весь мир в целом как бы «извне» этого мира. Мы хотим знать, не каковы вещи «внутри» мира, когда они предстают перед обычным человеком, но каковы они в абсолютном смысле, то есть «на самом деле». И весь мир в целом, заключает Кларк, — это одна из тех вещей, о которых мы хотим знать «извне»²⁷. Обычные попытки быть объективными в повседневной жизни философ считает слишком поверхностными и неглубокими, они не дотягивают до абсолютной объективности, к которой он стремится. Метафизика в каком-то смысле и есть попытка заглянуть за горизонт обычного, то есть всего того, с чем мы сталкиваемся в нашей жизни (пусть даже оно редкое, уникальное, сложное и удивительное, но тем не менее не *принципиально* необычное). Разумеется, версии и описания этого интуитивного «шага» за пределы обычного могут быть разными в зависимости от философских предпочтений. Но, что самое интересное, разными могут быть и его результаты.

6. Действительно, скептическая постановка проблемы относительно существования внешнего мира основана именно на та-

26. *Stroud B. Doubts about the Legacy of Scepticism // Stroud B. Understanding Human Knowledge: Philosophical Essays. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 28.*

27. Один из показательных примеров такого подхода можно найти в «Логико-философском трактате» Витгенштейна: «6.45. Созерцание мира *sub specie aeterni* есть его созерцание как ограниченного целого. Чувствование мира как ограниченного целого есть мистическое». См.: *Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.* Другим, уже недавним примером может послужить «абсолютная концепция мира» Бернарда Уильямса, то есть концепция мира, существующего так, как он есть сам по себе, независимо от существования возможных наблюдателей. Уильямс говорит об абсолютной концепции мира лишь как об идеале, хотя и вполне достижимом с помощью более совершенной науки в будущем. Такая наука, по идее, должна объяснить и предсказать все возможные точки зрения различных наук на этот мир, подобно тому, как, например, в оптике, используя объективные законы физики, можно объяснить различие перспектив, с которых мы наблюдаем один и тот же объект или сцену. См.: *Williams B. Ethics and the Limits of Philosophy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985; Idem. Descartes: The Project of Pure Enquiry. Harmondsworth: Pelican, 1978.*

ком разграничении философского и обычного взгляда на вещи. Эпистемолог делает «шаг назад» с тем, чтобы оценить *все* наше знание о мире, причем — *сразу*. Майкл Уильямс считает, что в обоих этих требованиях к оценке нашего знания (полнота и одномоментность) нет ничего необычного — скептический парадокс возникает, только когда мы их объединяем. Скептик также делает «шаг назад» и направляет свое внимание на изучение слабых мест этой совокупности знаний и их источников, то есть всего эпистемологического устройства человека. И результат такого «шага» нетрудно предсказать. Обычное для него, как и для эпистемолога, также принципиально схематично. Но если наша концептуально-человеческая конституция действительно является стандартной и схематичной, то скептическое сомнение в возможности объективного знания о мире оказывается единственно верным взглядом на наше эпистемологическое положение, поскольку у нас нет гарантий относительно того, что мир стандартен («единообразен») в своих проявлениях настолько же (или в соответствии с теми же принципами), насколько и концептуально-эпистемологическое устройство человека. Мир богаче любой схемы, поскольку ни одна схема не улавливает весь диапазон существующих возможностей. С «внешней» точки зрения то, что, как нам кажется, мы знаем «изнутри», может иметь множество самых разных соответствий (значений) «извне»²⁸. Иначе говоря, наша концептуальная схема может соответствовать чему угодно и каким угодно образом.

Но, с другой стороны, нет ничего необычного и принципиально философского в том, чтобы при наличии полного знания о типах самолетов самому вычеркнуть лишнее, сознательно сузив свои знания, и вынести определенные возможности за скобки. Даже если у нас нет полного знания обо всех типах самолетов, то, опять же, нет ничего специфически философского в том, чтобы предположить, что существуют такие типы самолетов (неважно, похожие на уже известные или нет), которые не вошли по той или иной причине в этот список. Как

28. Парадокс следования правилу, сформулированный Солом Крипке на основе § 201 из «Философских исследований» Витгенштейна, строится во многом по тому же принципу: любое правило (или система правил, сколь бы связанной и согласованной она ни была) может быть проинтерпретировано как угодно и может быть приведено в соответствие с любым образом действия, и наоборот. См.: *Витгенштейн Л. Философские работы*. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 163; *Kripke S. Wittgenstein on Rules and Private Language: an Elementary Exposition*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982. Возможно, первый скептический аргумент подобного рода сформулировал уже Платон, а затем Аристотель в так называемом «аргументе третьего человека».

и в упомянутой выше истории с газетой, мы всегда в состоянии предположить эту обычную возможность. Поиск объективности, то есть готовность к критической оценке «списка» тех или иных своих знаний, является обычным, а не сугубо философским²⁹. Однако скептику каким-то образом удается выдать обычную возможность за философскую. Сам Кларк в своей статье не пишет, как именно скептик это делает, а рассматривает только последствия такого превращения обычных возможностей в философские. Тем не менее можно попытаться реконструировать логику скептика, начав с рассмотрения похожего аргумента Дж. Э. Мура.

7. Мур утверждает, что скептик использует модальную двусмысленность в понятии возможности³⁰. Возможность может быть одновременно как логической, так и эпистемологической, но может быть и чисто логической — в обоих случаях мы будем иметь дело с совершенно разными последствиями. Иначе говоря, всякая эпистемологическая возможность является в то же время и логической, но не каждая логическая возможность является эпистемологической. Сказать, что, возможно, я — не человек, значит, использовать только логический смысл возможности, поскольку такая возможность вполне осмысленна и не является логически противоречивой. Истина обратного суждения («я — человек») в каком-то смысле случайна, то есть имеет эмпирический характер. Данная логическая возможность никак не затрагивает мое действительное знание о том, кто я такой. Иными словами, у этой возможности нет никакой эпистемологической нагрузки: высказывание о том, что я, возможно, не являюсь человеком, с логической точки зрения вполне совместимо с моим знанием о том, что я — человек. В то же время эпистемологическая возможность исключает факт подобного знания, поскольку именно это знание она приостанавливает и нейтрализует. Например, сказать, что сегодня, возможно, будет дождь, означает, что он, может быть, будет, а может, и нет. Однако при этом автоматически исключено, что я знаю, что сегодня будет дождь или что его не будет. В этом случае я именно *не* знаю и поэтому всего лишь предполагаю. Мур считает, что скептик незаметно смешивает чисто логическую и эпистемологическую возмож-

29. Подробнее об этом см.: *Рогонян Г. С.* Дж. Э. Мур и обычный взгляд на обычные вещи // *Эпистемология и философия науки*. 2012. Т. XXXII. № 2. С. 141–155. (К сожалению, из-за редакторской ошибки две цитаты из статьи Кларка выглядят как часть основного текста моей статьи.)

30. *Moore G. E.* *Philosophical Papers*. L.: Basil Blackwell, 1959. P. 219–221.

ности, пытаясь выдать первую (не исключаящую мое обычное знание) за вторую (исключаящую мое обычное знание): эпистемологически, заявляет скептик, возможно, что я ошибаюсь, то есть на самом деле не знаю, кто я такой. Но как тогда точно провести границу между логической и эпистемологической возможностями? Мур, разумеется, проводит эту границу с позиций здравого смысла. Действительно, чисто логическая возможность ошибки, которая никак не затрагивает мое знание, — это всего лишь абстрактная возможность, которая не опасна для повседневного знания в рамках здравого смысла. А вот эпистемологическая возможность находится уже в рамках здравого смысла и напрямую связана с утверждениями о знании: знание по определению безошибочно и несовместимо с этой возможностью, а все, что с ней совместимо, автоматически переводится с уровня знания на уровень мнения, предположения и т. д.³¹ Однако скептик вполне может согласиться с этим разграничением, добавив лишь, что эта граница достаточно условная и любая возможность может оказаться совсем не такой, какой мы ее себе представляли. Действительно, Мур не пишет о том, как именно скептику удастся это превращение, он, как и Кларк, лишь констатирует его.

Возможно, ситуацию прояснит рассмотрение механизма той «радикальной индукции», примером которой и послужила история с газетой. Все происходит в два этапа. Сначала скептик уравнивает эпистемический статус обычных, или состоятельных, реальных, возможностей, то есть уравнивает степень их вероятности. Допустим, вероятность ежегодного наступления зимы очень высока, тогда как вероятность превращения воды в вино очень мала. Скептик сначала обращает внимание на обычные возможности где-то между двумя этими относительно крайними точками. Точнее, он обращает внимание на процесс изменения в статусе вероятности этих возможностей. Например, есть некая возможность с относительно высокой вероятностью и есть другая возможность с вероятностью, близкой к первой, но все-таки ниже. Затем вдруг (как это нередко бывает) статус вероятности обеих возможностей изменяется: то, что казалось более вероятным, на самом деле оказывается менее вероятным, и наоборот. Соответственно, статус любой другой возможно-

31. На этом же разграничении основан и известный парадокс Мура: «р, но я не верю, что р», или «Идет дождь, но я не верю, что идет дождь». Однако это равносильно тому, чтобы сказать «Я знаю, что идет дождь, но не верю в это, потому что возможно, что я ошибаюсь». Мур считает это абсурдом, поскольку обычно мы верим в то, что утверждаем. Поэтому если я говорю, что идет дождь, то я и верю в это.

сти, близкой к этим двум, *после этого* будет оцениваться более скептически, поскольку она также может оказаться чуть более вероятной или, наоборот, чуть менее вероятной. Такой индуктивный вывод на основании опыта обычных изменений вероятности затрагивает, на первый взгляд, только относительно близкие друг к другу возможности. И в этом нет ничего необычного. Однако у нас есть опыт и гораздо более радикальных (хотя и редких) ошибок в оценке вероятностей и, соответственно, переоценке статуса реальных возможностей — это может происходить как в научных исследованиях, так и в повседневной жизни. Скептик сопоставляет два вида обычных изменений в статусе возможностей — частый и редкий — и делает вывод, что *в каком-то смысле*, чисто гипотетически (то есть как продолжение обычной возможности более радикальных ошибок) статус вероятности *всех* реальных возможностей может оказаться иным, чем нам кажется, а значит, в принципе, одинаковым с логической точки зрения. (В обычных обстоятельствах такой радикальный вывод блокируется или уравнивается радикальной интерпретацией³².) Поэтому второй шаг — это именно индуктивное уравнивание эпистемического статуса всех реальных возможностей, в том числе наступления зимы и превращения воды в вино, то есть уравнивание эпистемического статуса любых крайних точек диапазона возможностей и всего, что между ними находится. В результате их реальный эпистемический статус якобы превращается в чисто логический, поскольку с логической точки зрения они равны. Это означает, что скептик просто лишает обычные возможности их эпистемического статуса (то есть любой познавательной нагрузки, даже минимальной), оставляя только логический. Но их эпистемический статус оказывается одновременно равен и логическому статусу всего того, что вообще никогда не происходило (и о чем, возможно, даже не думали, что оно происходило или может произойти). Точнее, теперь у всех возможностей, как обычных, так и необычных, одинаковый логический и эпистемический статус — в этом смысле возможно все. Такое превращение обычного эпистемического в чисто логическое предшествует и является основанием для того превращения, о котором говорит Мур, то есть превращения уже необычного логического в необычное эпистемологическое³³.

32. Дэвидсон Д. Когерентная теория истины и познания // Метафизические исследования. СПб., 1999. Вып. 11. С. 245–259.

33. Вывод скептика в данном случае абсолютно интуитивный, и именно к этой интуитивной очевидности он и апеллирует. Действительно, «радикальная индукция» — это именно интуитивный вывод, на котором основан

8. Если взглянуть на ситуацию со стороны схемы, то чисто логическая возможность — это та часть схемы, которая еще не получила своего эмпирического наполнения. Главное, чтобы схема позволяла понятиям образовать эту возможность непротиворечивым образом. Схема — это не только фиксированный набор понятий, но и допустимый набор связей между ними. Поэтому золотая гора, если угодно, является частью схемы, а круглый квадрат — уже нет. В этом смысле скептик говорит не просто о совокупности наших убеждений, а об определенном образом *упорядоченной* совокупности. Иными словами, речь идет о схеме возможностей и, соответственно, невозможностей — в чем и проявляется, помимо всего прочего, нормативный характер концептуальной схемы. Именно это свойство схемы позволяет спрашивать о том, соответствуют ли «порядок и связь идей порядку и связи вещей». Но тогда и другие части схемы, имеющие эмпирическую реализацию, рассматриваются не только как эпистемические, но прежде всего как логические, то есть опять же как части «самой по себе чистой» схемы, которая так или иначе соотносится с миром *вне* схемы. Очевидно, что именно такой ход мысли позволяет сказать, что не только любая эпистемическая (эмпирическая) возможность, но и все допустимые связи между понятиями — именно как части схемы — могут в реальности ничему не соответствовать, обладая всегда только логическим статусом. Вся схема целиком может ничему не соответствовать, оставаясь, по сути, лишь одной из возможностей, которую мы по ошибке или чьей-то злой воле принимаем либо за саму реальность, либо за ее более или менее точное воспроизведение. Скептик всегда стремится учитывать те части схемы, которые мы обычно упускаем из виду, как это видно на примере с пилотами. Если всякий индуктивный вывод предполагает применение определенных правил и принципов схемы, то есть реализуется в рамках этой схемы, то «радикальная индукция» скептика является в каком-то смысле *исчерпанием* этой схемы, точнее, интуитивным выводом о ее пределах. Иными словами, скептик не просто стремится рассматривать мир через теоретическое понятие схемы — он буквально отождествляет наше знание о мире с самой схемой. Отсюда и частые рассуждения об ограниченности и конечности человеческого познания.

Однако когда скептик спрашивает «Знаем ли мы хоть что-то на самом деле?», то, разумеется, основная суть его вопроса заключена в словах «на самом деле», указывающих на то, что находится за пределами схемы. Это означает мыслить саму схему подобно

и интуитивный аргумент скептика по *modus ponens*. (Мур, кстати, также обращается к этому интуитивному аргументу.)

вещи (или самодостаточной единицы, как пишет Кларк), у которой есть своя структура, границы, свойства и т. д. Во многом это напоминает то, как, по мнению Канта, традиционная метафизика рассматривала мир, пытаясь установить его пределы, что и приводило чистый разум к неразрешимым противоречиям. Но если мир — это не вещь, то, возможно, и концептуальное пространство возможностей не является чем-то подобным (схематичной) вещи. Если вслед за Селларсом мы будем говорить не о схеме, а о логическом *пространстве* оснований, то такое концептуальное пространство будет уже принципиально разомкнутым, или, как говорит Макдауэл, безграничным. Возможности в этом пространстве не противопоставлены подобно тому (и в соответствии с тем), как противопоставлены природа и чистый разум, — статус любой возможности в нем определяется в соответствии с ее инференциальными связями с другими возможностями³⁴.

Поставив под сомнение возможность «чистых» понятий и, соответственно, «чистых» философских вопросов и утверждений, Кларк тем самым как бы спрашивает: «А существует ли *чисто* логическая возможность?» Иными словами, не просто не-эпистемическая, а такая, которая может вообще любое знание поставить под сомнение («возможно ли, что все наши знания — ложь»). Но как тогда мы *узнаем* об этой возможности? Разве возможность не является, по сути, эпистемической категорией и в этом смысле неразрывно связанной с понятием знания? Можно ли вообще считать возможностью то, что направлено против всего нашего знания и тем самым лишено любой познавательной ценности? Как о такой возможности вообще можно заявить? «Мы вынуждены», пишет Кларк, «дегустировать вино постижимого»³⁵.

Если скептик и даже Мур не сомневаются в том, что есть «чистые» неэпистемические (то есть только логические) возможности, то для Кларка это разграничение сомнительно настолько же, насколько для Куайна сомнительно деление на аналитическое («чистое») и синтетическое. Очевидно, что именно на дуализ-

34. Возможно, одним из оснований для «радикальной индукции» и уравнивания скептиком статуса возможностей является указание на то, что не просто в нашем повседневном опыте, но и в истории наук реальными могут оказаться и часто оказывались самые неожиданные и маловероятные возможности. Но это означало бы сказать, что эти маловероятные возможности просто сваливаются нам на голову в готовом виде. Очевидно, что такой аргумент просто не учитывал бы весь тот инференциальный путь, который ученые проделали к реализации таких возможностей и который является не менее ценным и важным, чем сами эти возможности. Более того, он является частью этих возможностей, и, следовательно, есть большие сомнения, что в случае скептика и в случае ученого мы имеем дело с одними и теми же «внезапными» возможностями.

35. Clarke T. Op. cit. P. 766.

ме аналитического и синтетического, логического и эпистемического основан дуализм схемы и содержания (или данного). Если же наша концептуально-человеческая конституция не является стандартной, то нам, полагает Кларк, придется отказаться не только от философской защиты здравого смысла, но и от ее скептического отрицания. Иными словами, если философское представление об *обычном* окажется фикцией, то вместе с ним фикцией окажется и сама скептическая проблема. В таком случае нам необходимо иначе взглянуть на то, как устроены и функционируют наши понятия, и, соответственно, заново сформулировать требования к объективности нашего знания.

9. Вывод, который можно сделать на основании статьи Кларка, заключается в том, что естественным является не сам философский скептицизм (как об этом заявляют «новые скептики»), а иллюзорная возможность такого скептицизма. Если для Юма возможность тотальной (философской) иллюзии вполне очевидна, то для Канта она сама по себе уже иллюзорна — как иллюзия возможности тотальной иллюзии. Иначе говоря, если для Юма за этой тотальной иллюзией еще что-то скрывается, и она отсылает к чему-то нам недоступному, то для Канта за ней нет ничего интересного, и отсылает она только к деятельности самого разума, неправильно применяющего свои понятия. Поэтому кантовский натурализм отличается от юмовского не тем, что он заявляет, будто наш разум естественным образом не может не заблуждаться относительно мира и истинных причин своих убеждений, а тем, что наш разум естественным образом не может не впасть в иллюзию интуитивной очевидности тотальной иллюзии. Именно эта банальная и естественная склонность к метафизике «питается» в каждую историческую эпоху обычными сценариями обманчивости и иллюзии, которые при этом вполне (хотя бы потенциально) разрешимы. Кларк в данном случае действует в духе Канта, указав на то, что обычное выдается за философское и одновременно в духе Мура, который анализировал философское и обычное значения выражения «вещи, внешние нашим сознаниям», критикуя уже самого Канта (сделавшего, возможно, больше, чем кто бы то ни было для закрепления образа схемы в отношении познавательных способностей человека)³⁶.

В заключение можно заметить, что целью Кларка было, конечно, не просто исследование предпосылок и внутренних про-

36. Мур Дж. Э. Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия. Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 66–84.

тиворечий скептицизма. В каком-то смысле его статья подводит черту целому периоду дебатов о скептицизме и здравом смысле и одновременно открывает новую страницу в так называемой терапии метафизических проблем. Ценность и полезность скептицизма Кларк видел в том, что, пытаясь очертить — безуспешно! — границы обычного, скептик подталкивает нас к тому, чтобы лучше присмотреться к этому обычному, заняться исследованием его возможностей, а не бежать от него в «чистое» созерцание «условий его возможности». Вместе с тем Кларк подводит итог и определенной интеллектуальной традиции в целом, а именно Философии с большой буквы, то есть некоего интуитивного «шага в сторону» по отношению к миру и нашему знанию о нем. Если наша концептуальная конституция не является стандартной, то возникает вполне закономерный вопрос: в чем же заключается ее нестандартность и как ее можно исследовать? Очевидно, что для Кларка, как и для Остина и Витгенштейна, нестандартность концептуального и эпистемологического устройства человека говорит не столько о случайном и хаотичном конституировании этого устройства, сколько о том, что оно просто не является схематичным и концептуально однородным. Статья Кларка в каком-то смысле способствовала и самоопределению аналитической философии, точнее, поискам ответа на вопрос о том, является ли она только концептуальным анализом или все-таки чем-то большим (и в каком смысле «чем-то большим»), — вопрос, который до сих пор остается открытым.

О наследии самого Кларка Кэвел говорит следующее: «Три опубликованные Кларком статьи, отличающиеся особым интеллектуальным качеством, которыми восхищается небольшое, но все-таки, пусть и медленно, увеличивающееся число молодых философов, все больше становятся частью прошлого, а преподает он все реже. Иногда я встречаю тех, кто знает его и кто полагает, что он совсем отказался от публикации результатов своего труда, которому посвятил свою долгую сознательную жизнь. Если бы мне описали <...> незнакомого человека, который работает всегда только один и даже не дискутирует с любимым студентом или даже двумя, который пишет в основном на мелких клочках бумаги и накопил их уже многие тысячи, то я бы тоже усомнился, что из всего этого может сложиться цельное повествование. Однако я знаю такого человека. И только его смерть, если она наступит раньше моей, оборвет мои ожидания, но только лишь потому, что я не представляю, кто еще, кроме Тома, мог бы собрать все эти обрывки в единое целое»³⁷.

37. Cavell S. Op. cit. P. 369.

Томпсон Кларк умер 28 февраля 2012 года в возрасте 90 лет. Вопрос о его собственном интеллектуальном наследии по-прежнему остается открытым. Помимо уже упомянутых Кэвелом статей и заметок, остаются еще пересказы его устных выступлений на семинарах. Возможно, Кэвел прав, и мы уже не дождемся новых «историй» о необычном (то есть философском) восприятии обычного. Однако верно и то, что, помимо новой постановки скептических проблем, немалая заслуга Кларка заключается и в распространении «дефляционных» настроений в современной эпистемологии или, иными словами, в том самом привлечении нашего внимания к свойствам обычного, о котором он говорит в конце своей статьи.